

Геннадий Логинов

ORA ET LABORA

Повесть о послушнике Иакове,
Святой
Инквизиции и таинственных
кругах на полях

Геннадий Логинов

**Ora et labora. Повесть
о послушнике Иакове, Святой
Инквизиции и таинственных
кругах на полях**

«Издательские решения»

Логинов Г.

Ora et labora. Повесть о послушнике Иакове, Святой
Инквизиции и таинственных кругах на полях / Г. Логинов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836934-6

«Молись и работай» — таков был девиз монахов Ордена Святого Бенедикта Нурсийского и юного послушника Иакова. Но неокрепшее сердце юноши жаждет впечатлений, а мятущийся ум ищет ответы и толкует всё в меру своих возможностей. Иногда жизнь тревожит. Иногда — откровенно пугает. Но прилежный послушник сносит всё, принимая как должное, без ропота и непослушания. Ровно до тех пор, пока в стенах монастыря не появляется загадочный незнакомец Конрад.

ISBN 978-5-44-836934-6

© Логинов Г.
© Издательские решения

Ora et labora

Повесть о послушнике Иакове, Святой Инквизиции и таинственных кругах на полях

Геннадий Логинов

© Геннадий Логинов, 2019

ISBN 978-5-4483-6934-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Холодный всплеск привёл Иакова в чувство. Нечистоты текли по лицу отступника, перемешиваясь с кровью из рассеченной брови. Это несколько отрезвило юношу. Он поднял безнадёжный взгляд на своих ненавистных мучителей. Обречённый, он мечтал лишь о скорейшем прекращении своих истязаний. Волосы в колтунах, позорное сабенито еретика покрылось грязью и местами накрахмалилось от крови, ребро сломано, да и с ногой что-то неладно.

Иаков с трудом находил в себе силы на то, чтобы просто стоять, не говоря уже о том, чтобы держаться ровно. После нескольких дней без сна и еды, сопровождающихся допросами, пытками и избиениями, это само по себе являлось достижением.

– Пришёл в себя? – неспешно перебирая в холёных руках лакированные вишнёвые чётки, промолвил лоснящийся отец—эзекутор с безучастным взглядом. – Так—то лучше. Не сметь терять сознание, когда к тебе обращаются.

Сглотнув, Иаков повёл взглядом припухших от побоев глаз по ненавистным и презираемым лицам: жирный отец—эзекутор с обрамленной белыми, как снег, волосами тонзурой; двое узкобрых монахов—фанатиков; безразличный ко всему происходящему секретарь, ведущий протоколы дознаний; разномастные свидетели, в том числе – бывшие друзья; да безмолвная охрана церковной тюрьмы с исполнительным палачом впридачу.

Страшно было подумать, что эта работа стала для некоторых людей рутинной – за последнее время было замучено и сожжено столько народу, что теперь уже, за исключением особых случаев, секретарь даже не утруждал себя необходимостью подробно записывать имена и причины наказаний – просто указывал: «обвиняемый номер такой-то».

Народ обогащался, сдавая друг друга в лапы церковников, с именем Господа на устах вершили великие злодеяния.

Тем, кто побогаче, папские представители продавали особые лицензии, защищающие от преследования Святым отделом расследований еретической греховности².

Хотя какие могут быть гарантии, если даже государи, архиепископы и кардиналы боялись быть перемолотыми, ненароком оступившись и встряв меж жерновами Святой Инквизиции?

Давеча на костре сожгли семилетнюю ведьму, нательный крест которой несколько отличался от прочих.

В своё время, когда Иаков с сомнением вопрошал отца Себастьяна, каким образом эти зверства могут быть оправданы с точки зрения Священного Писания, тот вновь и вновь повторял: «Мальчик мой! Только не вздумай заикнуться об этом кому-нибудь другому! Разумеется, не всякое заблуждение уже есть ересь, однако именно на таких сомнениях и колебаниях она и пускает корни в сердца с неокрепшей верой! Истинно говорю тебе, что первым инквизито-

ром был не кто иной, как Сам наш Создатель, а первыми еретиками-отступниками – наши с тобою далёкие предки, Адам и Ева. А как же ты думал иначе? Сперва Он позволил им выступить с оправдательной речью, допросил их, затем справедливо наказал, отлучив от Рая и надев на них первые в истории сабенито – кожаные одеяния, приговорив в поте лица добывать хлеб свой насущный, в муках рожать детей своих и испытывать животный страх пред смертью. Люди справедливо наказаны войнами, холодом, голодом, междоусобицами и болезнями. Даже жизнь самых праведных из нас полна терзаний и тяжких испытаний. Но если с прародителями Он поступил так строго и справедливо, чего уж удивляться суровости в отношении их неразумных чад, потомков, проповедовавших отступничество и склонявших правоверных к ереси? Удивляться мировому потоку, при котором погибло всё человечество, кроме Ноя с его семейством? Сожжению грешников дождём из огня и серы в Содоме и Гомморе³? Гибели египетских первенцев? Или евреев, роптавших на Моисея в пустыне? Разве змеи не жалили малодушных в пути⁴? Разве не погибли десятки тысяч жителей Вефсамиса, заглядывавших в ковчег Господа? Да, сказано «не убий», однако необходимо разделять общие и частные указания. Разумеется, кровопролитие – это всегда худое дело, однако же следует помнить и о том, что человека заповедовано убить за мужеложство, скотоложство, кровосмешение, идолопочитание и занятия колдовством. Сказано ведь: «Если будет уговаривать тебя тайно брат твой, сын матери твоей, или сын твой, или дочь твоя, говоря: «пойдем и будем служить богам иным, которых не знал ты и отцы твои...» – то не соглашайся с ним и не слушай его; и да не пощадит его глаз твой, не жалея его и не прикрывая его, но убей его; твоя рука прежде всех должна быть на нем, чтоб убить его, а потом руки всего народа»⁵. Самсон убивал филистимлян, и Давид —Царь основал свою небольшую империю, покорив врагов колен израилевых. Наши святые отцы – просто продолжатели дел».

Иаков удручённо вздохнул. Отец Себастьян всю свою жизнь с малых лет посвятил религии. Но с недавних пор сам пострадал как еретик, несмотря на всё своё рвение, уважение к Святой Инквизиции и ультраконсервативный настрой.

Заступился за свою прихожанку, обвинённую по ложному доносу в колдовстве. Старик знал её с малых лет, сам крестил, окуная в купель, и отмечал в ней особую набожность среди молодых прихожан...

– Итак, – надменно-суровый голос ненавистного экзекутора возвратил юношу из трагических воспоминаний в не менее трагичную действительность. – Мы зывали к остаткам твоего подавшегося искушению разума, предлагая отречься от своей ереси, в случае чего ты мог бы рассчитывать на снисхождение и епитимью. Однако ты был глух и упрям, как осёл. Ежели ты и в третий раз будешь упорствовать, то, к моему величайшему сожалению, мы будем вынуждены признать тебя упорным еретиком и отлучить от лона Матери—Церкви. А в этом случае, поскольку ты более не будешь являться правоверным католиком, наша юрисдикция не будет распространяться на твою персону и нам ничего не останется, кроме как выдать тебя светским властям *ut populi errata inquirant et corrigant*⁶...

– *Debita animadversione puniendum*⁷, – молитвенно вознеся руки, с напускной лицемерной жалостью изрёк один из монахов.

– А они не отличаются нашим ангельским человеколюбием, несмотря на все наши просьбы, – продолжил отец—экзекутор.

– Человеколюбием? – осмелившись подать голос без соответствующего разрешения, Иаков не то улыбнулся, не то оскалился, но в любом случае это смотрелось невесело. —Мне даже не зачитали обвинения.

– Нет, вы только посмотрите, да он над нами просто издевается! – вознегодовал второй монах, вложив руки в просторные рукава своей широкой рясы, кое-как опоясанной верёвкой поверх необъятного брюха.

– До этого у тебя уже были две тайные аудиенции, на которых ты мог честно во всём признаться и отречься от своей богомерзкой ереси. Теперь же ты предстал перед официальным трибуналом и обязан покаяться в содеянном перед собравшимися здесь на слушании порядочными богоугодными людьми. Либо погубить свою бессмертную душу окончательно и бесповоротно, повторив перед ними ту ересь, которую проповедовал. В любом случае секретарь передаст им протокол и попросит подписать факт ознакомления... – заученно повторил инквизитор давно приевшуюся за время службы тираду.

Закрыв глаза, Иаков перевёл дух и спустя мгновение поднял взор, с вызовом встретив холодный безучастный взгляд церковника. Давно уже истлевавшие во взоре юноши огоньки внезапно вспыхнули с новым куражом:

– Ну что же... Я – всего лишь человек. Мне многое недоступно. Я многое не в силах понять. Я не знаю ничего наверняка, но могу лишь верить и догадываться. Я не безгрешен настолько, как все здесь собравшиеся. И даже очень рад этому... Вы ожидаете от меня признания? Я расскажу вам то, что видел и слышал. Ложь, истина, причуда безумного воображения – судить вам...

Каждый человек во что-то верит, о чём-то мечтает, зачем-то живёт, к чему-то стремится, кого-то или что-то любит. Власть, деньги, женщин, вино, знания, Господа...

У каждого человека в душе есть кровоточащая брешь размером с Бога, и каждый пытается заполнить её, чем может. И если, несмотря на все беды, человек по-прежнему не свёл счёты с жизнью, – значит, что-то его здесь держит, что-то ему здесь нравится.

«Ora et labora» – таков был девиз ордена, названного в честь Святого Бенедикта Нурсийского, старейшего католического монашеского ордена, основанного в шестом веке от Рождества Христова.

«Молись и работай»...

Иаков осознавал мудрость и праведность сего изречения, но всё же желал от жизни большего. Возможно, кто-то и счёл бы это гордыней, но, скорее, юношей двигала свойственная его возрасту любознательность.

Иаков верил в предназначение, уготованное ему свыше его Небесным Отцом – единственным родным существом на всём белом свете, поскольку земных родителей он не знал: мальчика кто-то просто оставил в корзине на церковной паперти.

Как и многие ровесники, с ранних лет Иаков считал себя уникальным, особенным, избранным – правда, не совсем понятно, для чего. Однако эта вера позволяла ему переносить все тяготы и лишения суровой и аскетичной монашеской обители.

Рассуждая о своём предназначении, люди, как правило, грезил о чём-то масштабном и глобальном. Им просто было приятно иной раз представить себя таким Мессией, понимающим мир лучше остальных, проглядывающим промеж строк Святого Писания ускользнувший от невнимательных глаз и прочих умов скрытый смысл, способным открыть всем глаза и вершить пророчества.

Мало бы кто согласился признать своим предназначением, к примеру, выпечку хлеба в сельской пекарне до самой гробовой доски. Даже если это наследственное дело, перешедшее от отца.

И состарившись, человек всё равно будет ожидать от жизни чего-либо большего, неожиданного, волшебного и чудесного.

Если в нём, конечно же, хотя бы немного остался жив тот ребёнок, без которого путь в Царствие Небесное, согласно Писанию, заказан.

В этом плане Иаков не отличался особой оригинальностью: ему хотелось увидеть новые места, читать новые книги, слышать новые песни, общаться с новыми людьми, вместо того чтобы вечно перечитывать «Библию» и вскапывать грядки за монастырской оградой.

Так или иначе, Иаков был благодарен монахам, худо-бедно, но воспитавшим его и обучившим грамоте; однако видел суть веры не в заучиваемых наизусть и неукоснительно воспеваемых молитвенных формулах, не в формальных ритуалах и обрядах, но в искренности обращения души к её Создателю и опирании на совесть в поступках.

Иаков полагал, что между Духом Божиим и помыслами человека – нет и не может быть никакой проведённой черты; а храмом признавал не отдельно взятое, сотворённое человеческими руками строение, но весь необъятный мир с его лугами, лесами, морями, горами и всем таким, чего Иаков даже не видел, чего никогда не увидит и о чём даже не подозревал, но чем заведомо восхищался.

Вглядываясь во всё многообразие и сложность природных форм, взаимосвязь и продуманность, бесконечное количество малых систем, входящих в состав систем больших, словно бы филигранно заточенных одна под другую, Иаков испытывал гордость за своего Творца.

Определённо, мир был сотворён гением – величайшим из мудрецов и лучшим из скульпторов и художников, согласовавшим каждую деталь этого мира с остальными составляющими.

Для одних людей было достаточно услышать, что Бог есть любовь, успокоиться на этом и приходить в храм по субботам. Другим же всенепременно было нужно с головой окунуться в душеспасительные тексты, читая, сравнивая, понимая на свой лад и уточняя все нюансы до последней буквы.

И те и другие, в понимании Иакова, были по-своему правы, но ему самому, без всякого сомнения, были ближе вторые.

Отец Себастьян с неким благорадушием снисходительно выслушивал «младенческую ересь» отрока (за которую на взрослого давно, в лучшем случае, наложил бы епитимью), а затем, по отечески вздохнув, возносил глаза к небу и, попросив у Создателя прощение за дерзость неразумного чада, начинал проповедовать более традиционные взгляды на вещи...

Иаков многое не принимал либо трактовал по-своему. К примеру, он совершенно не мог признавать то, что Бога зачем-то необходимо бояться, ведь Бог есть любовь, а страх есть зло, страдание и причина трусости. И если совершать добро из страха наказания, не совершая зла по той же причине, то чем же, в таком случае, человек отличается от лишённой воли скотины, которой необходимы кнут и пряник?

В понимании отрока, это было равносильно мышлению торговца – ты мне, а я тебе; в то время как истинно верующий человек должен был склоняться к благу сугубо по велению сердца и свободной воли независимо от того, как скручивала жизнь в бараний рог, и не ожидая ничего взамен.

В принципе, для многих вера была не более и не менее чем суеверие – многие люди верили в то, чего боялись и что не могли проверить: так, на всякий случай. Они не были твёрдо уверены, существует ли Бог, при этом продолжая Ему молиться; они не ведали, может ли чёрная кошка принести им вред, но, тем не менее, гнали её прочь, не давая перебежать им дорогу.

Словом, вроде бы, и верили, но как—то формально...

...Время шло, Иаков рос, и вместе с ростом юноши пропорционально возрастала и степень ответственности за возложенные на него монашеской общиной обязанности.

Та детская непосредственность и безмятежность таяли на глазах в однообразных застенках мрачных келий, в свете череды однообразных, лишённых радости серых дней.

Да, Иаков любил Господа, но при этом ценил свободу, в то время как его монастырское обитание было выбором, сделанным за него, и принимать этот факт юноше было особенно неприятно.

«Я Люблю Бога. Я Верю в Бога. Я Предан Богу», – не переставал ежеминутно твердить в мыслях юноша. Никогда не снимал он нательного креста, незаметно и быстро крестил

каждый кусок хлеба или кружку воды перед употреблением. Это скорее было сродни не петровскому отречению из-за стеснения перед недостойными людьми, но из неприятия лицемерной напускной набожности, при которой некоторые любили бравировать своей верой перед окружающими.

Так или иначе, даже непредсказуемая бурная река движется в рамках какого-либо определённого русла: жизнь хоть и была нелёгкой, но становилась вполне сносной и привычной. Хотя, возможно, даже в ней были свои радости – всё, как известно, познаётся в сравнении. Иаков осознал это лишь в годовщину своего девятнадцатого дня рождения, когда произошёл случай, навсегда изменивший его жизнь...

Всё начиналось буднично и непримечательно. Люди вообще склонны сгущать краски, в то время как мир – таков, какой он есть, и никакой другой; для него нет разницы между дождём, ветром или чудом; ведь чудеса, в действительности, нисколько не противоречат законам природы, а, как полагал в своё время Августин Блаженный, противоречат лишь нашим **представлениям** о законах природы.

Жизнь не всегда меняется в лучшую и худшую сторону одним резким и ярким событием: судьба есть последствия сделанного выбора, и один выбор мы совершаем необратимо и единожды, в то время как другой – ежедневно, ежечасно или даже ежеминутно, но ни один не остаётся незамеченным.

Любое событие завтра является последствием дел, имевших место сегодня, случившееся сегодня – результат тех или иных событий, происходивших вчера, а события, которые произошли вчера, были следствием из случившихся ранее, и так далее. Яркое и значимое явление всегда основано на череде малых, кажущихся нам незначительными.

В этот заурядный день Иаков, как обычно, исполнял возложенные на него послушания, старательно подметая помещения монастыря. И пусть его брренное тело по-прежнему пребывало здесь, но мысли устремлялись куда—то вдаль, и это было единственным доступным для него бегством.

Во дворе кукарекали первые петухи, ржавое раннее небо проглядывало над кронами деревьев за решётчатыми окнами, когда размеренный ход мыслей юноши был прерван резким ударом медного кольца монастырских ворот.

Растерявшись от мысли, что кто-то не спит в такой час, послушник прервал свой труд и направился к створкам дубовых ворот, обитых позеленевшими от времени медными листами.

Удар повторился. Маленькое окошечко распахнулось, и Иаков увидел лицо мужчины: уже не молодое, но ещё и не старое, с резкими чертами и взглядом, каким волк наблюдает со стороны, – без угрозы или опаски, а просто изучая то, что представляет интерес.

– Мне нужно как можно скорее увидеть вашего настоятеля, – вместо приветствия, с причудливым говором, бросил незнакомец, не уделяя парню особого внимания.

– Так ведь рано ещё, почти все спят. Утренняя служба будет нескоро, – присматриваясь к человеку, ответил Иаков. На вид незнакомец был простолюдином, по запаху – тоже, однако что-то неуловимо выдавало в нём то, что он не так прост, как кажется на первый взгляд.

– Я второй раз повторять не намерен. У меня важное дело, ступай и разбуди этого старого пердуна. Да поторапливайся! Я проскакал кучу миль, дня два уже в пути, нормально не ел и не спал! – встретив не столько встревоженный, сколько обескураженный взгляд молодого человека, незнакомец чертыхнулся и, засунув руку в портупейную сумку, вскоре протянул свиток, запечатанный сургучом. – Я действую от имени Святого Престола, все монастыри обязаны обеспечивать мне бесплатный постой и оказывать содействие в работе. Можешь сам убедиться... Если ты, конечно, умеешь читать.

Последнее было добавлено уже с явной издёвкой.

– Умею, – этот человек определённо не нравился Иакову, однако молодому послушнику хватало мудрости не судить о нём в целом по первому впечатлению. – Хорошо, я сейчас передам, ждите тут.

– Конечно, – сразу же потеряв к юноше всякий интерес, незнакомец начал выжидающе осматриваться.

На гонца или, тем более, папского легата, да и вообще на человека, имевшего какое—либо пусть даже косвенное отношение к духовенству, он, точно, не походил.

Но какие такие особые санкции мог иметь этот грубый человек, помянувший Врага Рода Человеческого у ворот священной обители? В чём заключалась его «работа»? Что он потерял в этой тихой и мирной дыре?

Всё это оставалось для Иакова загадкой. Впрочем, ломать над этим голову в ближайшее время предстояло ещё и отцу—настоятелю...

– Проклятье! – с негодованием царапнув гусиным пером лист бумаги, седой как лунь секретарь поморщился. – Снова чернила закончились. Нужно будет сказать в канцелярии, чтобы не скупилась. Пока прошу меня извинить, пошлю человека, подождём малость и продолжим.

– Ну что же, – разведя руки, вздохнул отец—эксекUTOR. – Суета сует...

Воспользовавшись заминкой, Иаков перевёл дух и внутренне собрался. Юноша не питал иллюзий по поводу того, чем в любом случае должно завершиться это формальное слушание, на котором его судьбу не столько решат, сколько порешат.

Однако на него снизошло некое умиротворение и спокойствие. Чем оно было вызвано? Верой в то, что по ту сторону мрака его ожидает конец всех страданий? Усталостью и апатией? Или, быть может, тем, что сознание, подобно переполненной чаше, не в силах было вместить в себя более волнений и опорожнилось для чего-то нового?

Возможно, боль и страх со временем изжигали сами себя, кто знает. Но любая определённая предоставлялась лучше неопределённости.

Теперь он просто терпеливо ожидал, готовый ко всему, внутренне свободный от всяких оков, от этих стен и темниц.

Свободный – в отличие от людей, его окружавших.

Иакову просто хотелось поведать собравшимся свою историю до конца, а далее – будь что будет.

– Ну что же, – дождавшись готовности секретаря вести протокол, промолвил инквизитор. – Как было имя того самого загадочного визитёра?

– Он был скрытным и странным, особенно первое время. Просил величать его Конрад, но я сильно сомневаюсь в том, что это его настоящее имя, как не уверен и в его происхождении. В любом случае, с него—то всё и началось, – ровным голосом, без волнения или траурной обречённости, ответил Иаков.

– Мы не поленились взять на себя труд допросить ваших прихожан. Никто из них не подтверждает твоих слов и, в том числе, не знает человека, о котором ты говоришь. Братья и настоятель – тоже. Мы отправляли особый запрос и получили уведомление, что Святой Престол не присылал в монастырь посланника с ответственными поручениями. Признай свою вину, отрекись от ереси, и, быть может, Господь будет снисходителен к твоей грешной душе, – укоряющим тоном потребовал монах, сурово сведя брови на дородном лице.

Казалось, Иаков не слышал его: взгляд юноши был прикован к игре огней настенных факелов и дрожащим теням. Огни извивались и иногда трещали, силясь вырваться на волю из своих унылых темниц, но, если бы им это удалось, – их пламя охватило бы всё вокруг.

В этом Иаков был схож с ними.

– Одни напуганы, другие связаны клятвой, – проигнорировав патетическое воззвание святого отца, пожал плечами юноша.

– Нет, ну вы только послушайте! – негодуяще вскочил со своего места монах, но отец—
эксекUTOR остановил его своим властным перстом.

– Допустим. Продолжай, что было дальше, – очевидно, каждый человек коротал время по-своему, и инквизитору было занятно вновь и вновь переслушивать историю, показавшуюся ему занятой, несмотря на всю её малоубедительность и ересь.

– А дальше у Конрада состоялся приватный разговор с настоятелем нашей обители, после которого страннику выделили келью, а его коня отправили в монастырскую конюшню. Разумеется, меня никто не собирался ставить в известность о цели происходящего. До поры до времени... – завороченно глядя на пламя, продолжал Иаков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.